

Баталко Тамара

Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Витебск, Беларусь

ВОЙНА КАК ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Автор рассматривает массовый социально-психологический феномен «человека на войне». Современная историческая наука отказалась от позиции узкого и прямолинейного освещения событий Второй мировой войны. В ракурсе современных тенденций эта тема включает такие вопросы как героизм и паника, спрессованность времени и пространства на войне, мгновенное взросление вчерашнего юнца, формирование и эволюция образа врага.

Ключевые слова: психология боя, мысли и чувства человека на войне, символы и мифы войны, солдатские суеверия, особенности быта на войне

Нам выпала судьба жить в переходную эпоху, которая характеризуется поиском новых мировоззренческо-нравственных идеалов. Поэтому, так важно для нас осмысление имеющихся ценностей, в том числе и отношение к подвигу дедов и отцов, к Великой Победе – сценариев будущего развития страны. Не случайно глава белорусского государства А.Г.Лукашенко в обращении к ветеранам в дни празднования Великой Победы так определил главную задачу в патриотическом воспитании молодых белорусов: формирование понимания роли и места Великой Отечественной войны не как отдаленного от нас события, но как живого, хотя и слишком трагического урока.

Тема Великой Победы – тема обширная и сложная, затрагивающая все поколения, все основные направления идеологической и воспитательной работы. К тому же указанная тема требует правильного методологического подхода не только в оценке противоположных взглядов на события Великой Отечественной войны, но и учета ее сложности как трагедии и триумфа Победы (Победа со слезами на глазах). Прошло более 70 лет со дня окончания войны с фашизмом. Как видится студентам и вообще молодым людям сегодня значение Великой Победы? В учебные планы вузов Беларуси включен спецкурс

по истории Великой отечественной войны советского народа (в контексте Второй мировой войны). В рамках этого спецкурса нам представляется логичным начать первую лекцию с поиска ответа на вопрос: допустим ли модный нынче плюрализм мнений в оценке событий истории Великой Отечественной войны? При таком подходе к историческому познанию акценты расставляются в зависимости от политических пристрастий, личного интереса самого субъекта познания. Как справедливо отмечает Л.Криштапович, это «и есть софистика, для которой характерен не анализ действительного содержания конкретного исторического события, а лишь форма аргументации, позволяющая как все оправдывать, так и все фальсифицировать» [1]. Именно софистика как метод основана на выведении из ложных, но искусно и некорректно поданных как истинных посылок, но неверных по смыслу. Существует множество примеров, когда в объяснении войны активно используются такие методы, как абсолютизация отдельных сторон, подмена главного второстепенным, двойные стандарты. Правда отдельного события и правда такого колоссального исторического явления, как Великая Отечественная война, могут в чем-то противоречить друг другу. Например, зададимся вопросами: совершали ли воины Красной Армии акты мародерства и насилия? Попадались ли среди них трусы и предатели? Совершали ли советские полководцы трагические ошибки? Честно ответим: да, все это случилось. Но справедлив ли будет вывод о том, что типичный советский солдат груб, жесток, жаден (как он подается в фильме «Список Шиндлера», да и в ряде других современных киноподделок), а советское военное искусство ниже немецкого? Очевидно, что нет. Сегодня можно прочесть о бессмысленности сопротивления Ленинграда, Брестской крепости, о чрезмерности жертв в битвах за Москву, Сталинград, Ржев, Берлин, которые действительно были огромны. Но когда утверждают, что и разгрома немцев в этих сражениях не было, а войну выиграла, завалив врага трупами, – это откровенная низкая ложь.

В своей истории наша страна пережила немало вооруженных конфликтов, но именно в XX столетии возникает массовый социально-психологический феномен «человека воюющего». О том, как это явление отразилось в народном сознании и повлияло на судьбу нескольких поколений наших соотечественников, написаны тома исследований различных жанров. Главная их тема – человек в экстремальных условиях войны, его мысли, чувства, поведение. Психология боя и солдатский фатализм; героический порыв и паника; особенности фронтового быта; взаимоотношения рядового и офицерского состава;

взаимодействие и соперничество родов войск; роль идеологии и пропаганды; символы и мифы войны; солдатские суеверия; формирование и эволюция образа врага; феномен участия женщин в боевых действиях, – вот далеко не полный перечень проблем, которые впервые в исторической литературе раскрываются на примере войн нашей страны в XX веке. Обращение к такому специфическому явлению как война требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение при изучении личности в экстремальных обстоятельствах. Это сформулированное в философии немецкого экзистенциализма понятие *пограничной ситуации*. Согласно теории М. Хайдеггера, единственное средство вырваться из сферы обыденности и обратиться к самому себе – это посмотреть в глаза смерти, тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию [2].

Психологи знают, как мгновенно преобразуется человек, получивший в руки оружие: меняется все мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Оружие – это сила и власть. Оно дает уверенность в себе и диктует стиль поведения, создает иллюзию собственной значимости. Так происходит в мирное время. Что же тогда должно происходить на войне, в особенности на фронте, где оружие есть у каждого, а его применение из возможности становится обязанностью? Существует ли особый психологический тип «человека с ружьем»? Да, без сомнения. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии, который можно определить как психологию комбатанта. Прежде всего необходимо прояснить само понятие *комбатант*. В переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, – при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны [2].

Война – это особый период в существовании не только любого государства и общества, но и в жизни отдельных людей. Время на войне течет по особым законам. Это экстремальное время, на грани жизни и смерти. А любое пограничное состояние вызывает обостренное субъективное восприятие окружающего мира. Вместе с тем, нет непроходимой грани между социальным и личностно-психологическим временем: социальное складывается из индивидуального. Например, социальная оценка, особенность, ценность воен-

ного времени фиксируется и сознанием конкретных людей, и обществом. Не случайно «спрессованность» времени в Великой Отечественной войне как особо значимого, социально ценного в биографиях ее участников позднее фиксировалась государством в различных нормативных актах, включая исчисление стажа военной службы (на переднем крае – «год за три»). Великая Отечественная война оказывалась новой точкой отсчета, иной системой координат, фиксирующей «раскол времени», особый отрезок жизни и страны в целом, и отдельных людей. При этом в качестве «разделительной черты» выступала конкретная дата – 22 июня 1941 г. И действительно, значимость военного времени для конкретного человека отражалась не только в его субъективном восприятии, но и в реальной биографии – как время ускоренного взросления (для молодежи), приобретения важного, хотя и специфического опыта, радикального изменения судьбы. «Война быстро сделала нас взрослыми. Многие из нас и юности не узнали: сразу взрослость», – писал в 1944 г. с фронта старший лейтенант Б. Кровицкий [3]. Такое же наблюдение мы находим в военных записках К. Симонова: «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Понятие “повзрослеть” мы обращаем обычно к детству и юности; предполагается, что именно там человек может за год, за два настолько перемениться, что о нем говорят – повзрослел, имея в виду духовную сторону этого понятия. На войне, однако, с ее бесчеловечно, жестоко спрессованным временем вполне уже зрелые по возрасту люди взрослеют не только за год, но и за месяц, и даже за один бой» [3]. И еще: «Время на войне течет по особым законам. У меня ощущение, что оно было как-то чудовищно спрессовано... За две недели войны я почувствовал, что повзрослел, постарел сразу на несколько лет. По моим наблюдениям, так было со всеми...» [3].

Психологическое время всегда субъективно. Восприятие времени зависит от личностных характеристик: возраста (юные и зрелые), пола (мужчины и женщины), семейного положения (холостяки, женатые, отцы семейств), образования и культуры, биографии (личностной истории), жизненного опыта (вступающие в жизнь и уже пожившие). Экстремальная ситуация войны резко усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на «экзистенциальный рубеж» между жизнью и смертью. Проблема личностного бытия, существования человека, от которой в обычных условиях отмахиваются, редко задумываются, на войне встает во всей практической значимости, поскольку возможность насильственной смерти, вероятность «исчезнуть без следа» оказывается крайне высокой. Поэтому восприятие лич-

ностного времени как «вместилища жизни» становится обостренным, о времени задумываются – «Сколько еще осталось?», «Как его использовать?» – при крайне ограниченных возможностях распоряжаться собой. Возникает потребность успеть что-то сделать, прочувствовать, сказать, написать письмо, и т.д. Время на войне приобретает принципиально иную ценность

До войны человек, как правило, живет в достаточно узком «внутреннем» пространстве (село, город, район и т.п.) и редко оказывается за его пределами. Война вырывает его из привычного окружения и выбрасывает в широкий «внешний мир», в «другие края», хотя при этом он часто оказывается заключен в ограниченном, а порой и замкнутом пространстве окопа, танка, самолета, блиндажа, теплушки, госпитальной палаты и т.п. Война дает много новых ракурсов в восприятии пространства, в том числе ландшафта как фактора защиты или опасности, трудностей передвижения и тягот быта, как препятствия на пути к миру и возвращению домой.

В июле 2005 года телеканал «National Geographic» показал зрителям новый проект – многосерийный документальный фильм о способностях человека убивать человека. Приводимые авторами фильма факты действительно шокируют, а результаты научных исследований в данном вопросе заставляют иначе взглянуть и на самого человека, и на войну. Это кардинально меняет наши представления, казавшиеся устоявшимися и незыблемым [4].

Как один из примеров «National Geographic» приводит поездку Гимmlера в только что захваченный наш Минск, где нацисты Германии и Беларуси массово уничтожали евреев. Когда на глазах у Гимmlера, идеолога и организатора уничтожения евреев, расстреляли минского еврея, глава СС стал блевать, стал падать в обморок. Одно дело – писать далеко в кабинете приказы об убийстве «абстрактных» миллионов людей, другое дело – видеть смерть вполне конкретного одного человека, приговоренного к смерти этим приказом. Многие в этом проекте оказались настоящим открытием для общества [4].

Не будет преувеличением сказать, что война накладывает отпечаток на сознание и, соответственно, поведение людей, принимавших непосредственное участие в вооруженной борьбе, на всю их последующую жизнь – более или менее явно, но, несомненно, неприемлемыми. Каждая война через ее непосредственных участников в той или иной степени влияет на современников. Вместе с тем, только с Великой Отечественной войной мы связываем понятие «фронтовое поколение» – особый социально-психологический и общественный феномен, в других войнах не сложившийся, а потому исторически уни-

кальный. Его возникновение было определено особой значимостью Великой Отечественной в российской истории. Кроме того, именно война явилась основным фактором, личностно сформировавшим целый ряд возрастных категорий молодых людей (1922–1926 гг. рождения), вступивших в нее в незрелом возрасте и впоследствии осознавших себя поколением, отличающимся особыми качествами и общностью судеб.

1. Как пытаются украсть нашу Победу // Беларуская думка. – 2016. – № 5. – С.85.

2. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 383 с.

3. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т.3. – № 1. – С. 5-17.

4. Поведение человека на войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pikabu.ru/story/povedenie_cheloveka_na_войне_1955265/. – Дата доступа: 20.10.2020.

WAR AS A HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Tamara Batalko

Vitebsk branch of International University «MITSO»

tamarabatalko55@gmail.com

The author examines the mass socio-psychological phenomenon of "man at war". Modern historical science has abandoned the position of narrowly straightforward coverage of the events of the Second world war. From the perspective of modern trends, this topic includes such issues as heroism and panic, the compression of time and space in war, the instant maturation of yesterday's youth, the formation and evolution of the image of the enemy.

Keywords: psychology of combat, thoughts and feelings of a person in War, symbols and myths of war, soldiers ' superstitions, features of life in War.